

Е Чжэнь, которую прогнал Байфу, все еще была в оцепенении, пока не прибыла во дворец Ганьцюань. Приговор "Посторонним вход в кабинет запрещен, любой, кто нарушит приказ, будет убит без пощады" заставил ее сердце разбиться вдребезги, как будто она оказалась в пропасти. В те времена дворец Вэйян, императорский кабинет и даже спальня императора, куда ей не разрешалось свободно проходить, и неизвестно, когда император стал относиться к ней отчужденно или даже настороженно.

Почему? Понятно, что когда Чжао Лули женился, он постоянно говорил ей, чтобы она перестала лелеять прошлое и усердно работала над будущим; он был нежен и заботлив с ней, но его отношение резко изменилось в мгновение ока. Именно так, его безразличие, отчуждение и осторожность начались, когда она вмешалась в дела Чжао Люли, часто строила рожицы семье Е, и повсюду создавала проблемы семье Гуан.

Семья Гуань, все было из-за семьи Гуань, может быть, она была им чем-то обязана в прошлой жизни? Е Чжэнь ненавидела "семью Гуань" до глубины души, но теперь уже не было никакой возможности повернуть все вспять. Она с грустью осознала, что ее вес в сердце императора, вероятно, не так велик, как у семьи Гуань. Они были гигантами конфуцианства, лидерами литературного мира, плечевой костью страны и приближенными министрами императора, а у семьи Е не было ничего, кроме спасительной благодати - ни выдающихся потомков, ни честного семейного уклада, ни хорошей репутации, ни благородной крови. Не было ни фундамента, ни опоры.

Поэтому во всем приходилось полагаться на нее: бороться, грабить, идти на многое, делать все, что потребует. Внезапно Е Чжэнь почувствовала сильную усталость, и появилось чувство страха, что она будет продолжать падать и в конце концов разобьется. Поэтому, когда она вошла в главный зал и увидела Лю Ши и остальных, она не хотела говорить ни слова.

Чжао Чуньси хотела позвать маму, но не осмелилась нарываться на неприятности, поэтому могла только с нетерпением смотреть на нее. У нее было много претензий, о которых она хотела поговорить, но она также знала, что главным приоритетом сейчас было уничтожение кораллового дерева. Лю Ши не смогла сдержать слов, поспешно поприветствовала ее и открыла рот, чтобы спросить: "Нианьян, что сказал император? Был ли указ опечатать весь город и искать подозреваемых?"

Е Чжэнь холодно посмотрела на нее и с угрюмым лицом села на главное сиденье. Император отказался от встречи с ней, и теперь ей оставалось только ждать новостей от отца.

Е Фань лучше всех умела следить за словами и выражениями, она обняла Лю Ши и стала уговаривать ее: "Тетушка, Нианьян только что вернулась, почему бы вам не дать ей выпить горячего чая и перевести дух". В таком важном деле у императора есть свое решение, нам нужно просто сидеть и ждать".

Чжао Чуньси была очень послушна. Она подняла чайник перед Юн Хэ и налила чай для своей матери. Ее лицо было полно радости от встречи с близкой родственницей и жажды материнской любви. Е Чжэнь проводила ее неподвижным взглядом, чувствуя внутри себя

сильную усталость. Если бы не эта бесполезная тварь, приславшая новости и попросившая ее помочь сдержать Гуань Ши, разве она поместила бы Е Фана в особняк маркиза? Стала бы она вмешиваться во внутренние дела министра? Стала бы она выступать против Гуань Ши, подняв тем самым семью Е, и ударила бы семью Гуань по лицу?

Без поддержки Чжао Чуньси, она, в лучшем случае, уничтожила бы причину Гуань Ши войти во дворец, и не было бы никаких плохих вещей, которые последовали бы за этим, или же она напрямую противостояла бы семье Гуань, чтобы случайно поранить лицо Святого и потерять всю свою благосклонность. Чем больше Е Чжэнь думала об этом, тем больше ненавидела эту дочь, казалось, она забыла, что Чжао Чуньси по темпераменту десять из десяти была похожа на нее. Даже если бы Гуань Суй послушно вышла замуж и держала себя в руках, она бы никогда не оставила этот вопрос без внимания.

Женская ревность была самым острым оружием в мире, а также самым страшным ядом.

Чжао Чуньси немного остыла от странного взгляда матери и уже собиралась сказать несколько ласковых слов, чтобы вызвать ее жалость, как вдруг увидела шатающегося деда, его официальная шляпа была нахлобучена, волосы растрепаны, одежда наполовину мокрая, а лицо как золотая бумага, казалось, что он прошел несколько кругов по полю Асуры, выглядел он жалко.

"Господин, что сказал император?" Лю Ши немедленно поднялась, чтобы спросить, и наконец сказала дрожащим голосом: "Как ты мог так закончить, ты упал?"

Мастер Е отмахнулся от жены и торжественно сказал дочери: "Здесь неудобно, давайте поговорим наедине, вы за мной не ходите, сидите снаружи и пейте чай".

Понимая, что ситуация не очень хорошая, Е Чжэнь поспешно повела отца во внутренний зал и отпустила дворцовых людей, чтобы поговорить наедине. Мастер Е не собирался ходить вокруг да около и сразу перешел к делу: "Скажи мне честно, как твои отношения с императором?"

"Естественно, муж и жена глубоко привязаны друг к другу". Тон Е Чжэнь был твердым, но ее глаза слегка мерцали. Это была тема, с которой она больше всего боялась столкнуться, а также первопричина ее беспокойного ворочания, из-за которого она не могла заснуть по ночам. Если о ней действительно ходили такие слухи, то, когда возникали проблемы, как сейчас, почему она боялась Гуань Ши? Почему она боялась семьи Гуань? Почему она боялась других императорских наложниц и вдовствующей императрицы? Однако в итоге она смогла обмануть лишь саму себя и перенесла всю боль и потери в одиночку.

"Ты все еще отказываешься говорить правду! Слова и действия императора в императорском кабинете не производят впечатления глубокой привязанности к тебе..." Мастер Е повторил один за другим разговоры в императорском кабинете и, наконец, понизил голос, чтобы заставить задать вопрос: "Я думаю, что император несет ответственность только за вас и не имеет никаких личных чувств. Почему бы тебе не сказать мне правду? Если ты сказал это раньше, как я смею считать себя императорским зятем? Знаешь ли ты значение неглубокого

благословения императора?".

"Что?" Голос Е Чжэнь дрожал, не то чтобы она не могла подумать об этом, но она не смела думать об этом.

Но мастер Е хотел пробить ее сон, и сказал безжалостно: "Это значит, что ты сидишь на месте Цзеюя уже нажимаешь на небо, ты не можешь вынести большей чести и богатства! Сопровождая его так долго, ты совсем не можешь понять его искренность. Как я учил тебя в прошлом? Как ты поклялась снова выйти замуж? Я потратил столько сил и материальных средств, чтобы помочь тебе осуществить твоё желание, а ты отплатила мне такой неловкой ситуацией? Ты знаешь, что после того, как вердикт императора распространится, наша семья Е станет посмешищем в царстве Вэй, и любой сможет наступить на нас; хуже того, судя по равнодушной реакции императора, коралловое дерево, вероятно, сломал кто-то, кого он послал. Если ты хочешь поднять семью Е, чтобы подавить семью Гуань, он просто сотрет все лицо семьи Е. Идиотка, если бы ты раньше сказала мне, что твоя благосклонность ложна, я бы позволил клану Е поджечь хвосты и вести себя прилично! Но теперь уже поздно что-либо говорить. В сердце императора семья Е, вероятно, ничем не отличается от тех диких иностранных родственников предыдущей династии, и однажды она будет уничтожена. Ты, ты, ты, ты идиотка, если бы я знал сегодня, мне не стоило помогать тебе с твоей безумной идеей с самого начала!"

Самооценка Е Чжэнь была чрезвычайно сильна, и она также была той, кто придумал эту идею. Когда слова отца укололи ее в самое сердце, она медленно стабилизировала свой разум и снова стала твердой: "Хватит, что толку обвинять меня? Если бы я не придумала эту идею, ты бы уже умер в тюрьме. Что значит помогать мне, спроси себя, что я делала, чтобы спасти кого? Кому это было выгодно в итоге? Сегодня я все еще человек императора, и все еще занимаю высшую должность Цзеюй Няньняня, который все еще руководит дворцом, я буду стоять на своем слове. С сегодняшнего дня семье Е придется нелегко, но как только я забеременею и рожду старшего сына императора, все отчуждения исчезнут, а все насмешки превратятся в высокие похвалы. Полезный предмет все еще в моей руке, о чем ты беспокоишься?"

Когда господин Е услышал это, он тут же обратил свой гнев в радость и призвал: "Тогда тебе следует поскорее вернуть себе благосклонность и немедленно родить ребенка! В гареме много наложниц, так что, возможно, не ты окажешься на вершине".

"У этого дворца есть свои соображения, тебе не нужно больше ничего говорить. Выведи этих людей наружу, этот дворец должен культивировать свой собственный дух, ждать возможности вернуть расположение, и не иметь времени управлять беспорядком в семье Е. Кроме того, в будущем, скажите членам клана, чтобы они вели себя хорошо, не заставляйте меня здесь просто получить улыбающееся лицо императора, а вы заколотили корзину снаружи, заставив меня снова упасть. В то время я не узнаю своих шестерых родственников!" Голос Е Чжэня, казалось, был пропитан ядом, очень жестоким.

"Это естественно, не волнуйся". Увидев, что его дочь вновь приняла гордую позу Цзеюй няньцзянь, мастер Е остался доволен, а затем вывел невежественную Лю Ши из дворца.

В то же время стражников, осаждавших особняк Е, забрал Байфу, и все они были понижены в звании. Поскольку в деле было замешано слишком много людей, а старшая принцесса и несколько знатных дам внесли свою лепту в огонь, император заявил, что фраза "благословение семьи Е слишком мелко, чтобы вынести его милость" быстро распространилась и через несколько дней станет известна всем.

Не только семье Е не повезло, но и Сюй Гуанчжи, который был отрезан от своего официального пути, был почти безумен, тайно ненавидел семью Гуан в своем сердце, и всегда хотел найти возможность отомстить.

После долгих расспросов Чжао Чуньси так и не смогла выпытать из уст деда всю правду. Она вернулась в грязный особняк Е, полностью переоделась и вернулась домой вместе с отцом и младшим братом. Все трое нервничали и волновались, постоянно чувствуя, что должно произойти что-то важное.

"Как обстоят дела во дворце? Я вижу, что у твоих дедушки и бабушки, похоже, очень плохое лицо. Кроме того, император не стал строго расследовать уничтожение национального сокровища. Вместо этого он отозвал императорскую армию, что действительно озадачивает". Чжао Лули попытался получить немного информации от своей дочери.

"Я тоже не знаю. Я спрашивала у бабушки, но она отказалась мне рассказывать и сказала, чтобы я не болтала лишнего". Чжао Чуньси тоже была озадачена. Вполне логично, что в семье Е произошло такое большое событие, которое нанесло прямой ущерб престижу семьи ее мамы и ударило по лицу императорской семьи. Почему же император никак не отреагировал? Судя по тому, как сильно он любит ее маму, такого не должно быть!

"Твоя тетя хорошо выглядит? Она что-то сказала?" Чжао Лули терпела и терпела, но в конце концов не смогла сдержаться.

"Нет, она только поговорила с дедушкой во внутреннем зале. Мы подождали снаружи и торопливо разошлись. Никакого разговора не было". Чжао Чуньси устала от слабости и некомпетентности отца, а еще больше от его бесполезной увлеченности. Она прислонилась к плечу брата и притворилась уставшей.

Чжао Лули больше не спрашивал, он поднял занавеску кареты и выглянул наружу, его глаза были полны разочарования.

По сравнению со всеми остальными, кто был опустошен, расстроен или обижен, Гуань Суй жила очень комфортной жизнью. Она собирала бобы Будды во дворе старой госпожи. Она двигалась шаг за шагом и внимательно смотрела по сторонам, и каждый раз, когда находила зернышко, ее охватывало бесконечное веселье.

Старую госпожу забавлял ее веселый вид, и она убеждала: "Собирай, собирай, пока корзина не наполнится, мы сварим из них кашу и раздадим прохожим, которые будут проходить мимо особняка маркиза, так мы сможем сформировать хорошую карму и взрастить загробную жизнь".

"Культивировать загробную жизнь? Это великое слово!" После перерождения Гуань Суй заинтересовалась буддизмом и в последнее время много изучала его.

Свекровь и невестка потратили более двух часов на то, чтобы набрать полную корзину бобов Будды, и приказали служанкам отправить их на кухню, чтобы сварить из них кашу. Пока они ждали, старая госпожа неторопливо вздохнула: "Суй, тебе действительно трудно выйти замуж в семью Чжао. Муж бесполезен, дети невежественны, да еще и иностранные родственники. Я никогда не ожидала, что семья Е окажется такой необузданной, не только заставила господина маркиза взять наложницу, но и пригласила Е Цзею. Одна сторона поднимает, а другая подавляет, их мастерство двойного обмана доведено до совершенства. Когда Е Фань войдет в особняк, она определенно вызовет бури и волны с импульсом Е Цзею. Вы должны быть стойкими..."

Не успела старая госпожа договорить, как Гуань Суй неодобрительно рассмеялась: "Не волнуйтесь, семья Е буйствует какое-то время, но это не будет длиться вечно. Думаете, действия Е Цзею действительно могут вознести ее семью на небеса? Ошибаетесь, боюсь, они упадут на полпути, не говоря уже о том, что разбив тело и сломав кости, неизбежно получат более серьезные травмы."

Чжао Лули, который только что вернулся в дом и собирался взять детей, чтобы поприветствовать мать, на мгновение был ошеломлен, а затем поднял руку, чтобы остановить служанку, которая хотела объявить об их прибытии. Он хотел услышать, что скажет Гуань Суй. Ее уста всегда предсказывали все как бог, без единой ошибки.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2433535>